

Мишель Уэльбек

Карта и территория

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7410103

*Карта и территория : роман / Мишель Уэльбек: Астрель : CORPUS; Москва; 2011
ISBN 978-5-271-38195-9*

Аннотация

Французский прозаик и поэт Мишель Уэльбек – один из самых знаменитых писателей планеты. Каждая его книга – бестселлер. После нашумевших “Элементарных частиц” он выпустил романы “Платформа”, “Возможность острова”, многочисленные эссе и сборники стихов. Его новый роман “Карта и территория” – это драма современного мира, из которого постепенно вытесняется человеческая личность.

Рядом с вымышленным героем – художником Джедом Мартеном – Уэльбек изобразил и самого себя, впервые приоткрыв для читателя свою повседневную жизнь.

История Джеда – его любви, творчества, отношений с отцом – трагически пересекается в книге с судьбой автора, давая толчок фантастической детективной интриге.

Роман “Карта и территория” удостоен Гонкуровской премии 2010 года.

Содержание

Часть первая	12
I	12
II	17
III	23
IV	27
V	31
VI	34
VII	36
VIII	38
IX	41
X	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мишель Уэльбек

Карта и территория

Ouvrage publié avec le concours
du Ministère français chargé de la culture – Centre National du Livre

Издание осуществлено при поддержке Национального Центра Книги Министерства культуры Франции

Издание осуществлено при содействии издательства АСТ
Редакция благодарит за помощь Сергея Пархоменко

© Michel Houellebecq et Flammarion, 2010

© М. Зонина, перевод на русский язык, 2011

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2011

© ООО “Издательство Астрель”, 2011

Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

*Мир наскучил мне, и я наскучил миру.
Шарль Орлеанский*

Джефф Кунс привстал, вдохновенно взмахнув руками. Напротив него, на белом кожаном диване с небрежно наброшенными шелками, сидит, скрючившись, Дэмиен Херст и, судя по всему, собирается ему возразить; он мрачен, лицо налилось кровью. Они оба в черных костюмах – у Кунса в тонкую полоску, – белых рубашках и черных галстуках. Между ними на журнальном столике стоит вазочка с цукатами, но ни тот, ни другой не обращают на нее ни малейшего внимания; Херст потягивает “Бад лайт”.

Позади них в огромном окне виднеются, насколько хватает глаз, высоченные многоэтажки, поистине вавилонское столпотворение гигантских прямоугольников; ночь светла, прозрачен воздух. Это может быть какой-нибудь Катар или Дубай; обстановка в комнате навеяна на самом деле рекламной фотографией отеля “Эмирейтс” в Абу-Даби из немецкого глянцевого журнала.

Лоб Джеффа Кунса слегка поблескивал, и Джек, затушевав его, отступил на три шага. Нет, Кунс никак ему не давался. А вот уловить суть Херста не так уж и трудно: его можно изобразить брутальным циником, типа “загреб бабла, насрать на всех”, либо таким художником-бунтарем (опять же при деньгах), разрабатывающим в своем творчестве тревожную тему смерти; кроме того, в его багрово-красном, тяжелом лице было что-то донельзя английское, как у среднестатистического фаната “Арсенала”. Короче, чего в нем только не было, но все его разнообразные черты легко складывались в целостный и вполне удобовари-

мый портрет британского художника, типичного представителя своего поколения. Тогда как в Кунсе ощущалась некая двойственность, непреодолимое противоречие между кондовой продажностью товароведа и экзальтацией истинного аскета. Последние три недели Джек и дело подправлял выражение его лица, – Кунс вставал, вдохновенно взмахнув руками, будто пытался что-то доказать Херсту; написать мормона-порнографа и то было бы легче.

Джек насобирал массу фотографий Кунса, снятого в одиночестве, а также в обществе Романа Абрамовича, Мадонны, Барака Обамы, Боно, Уоррена Баффета, Билла Гейтса... Но повсюду на него смотрел все тот же продавец кабриолетов “шевроле” – почему-то именно в этом образе Кунс решил явить себя миру, – одним словом, в этих снимках не было ровным счетом ничего индивидуального, ну как тут не выйти из себя, впрочем, фотографии давно выводили Джека из себя, особенно *великие фотографии*, претендующие на то, что они открывают *правду* о своих моделях; как же, открывают они, просто встают столбом перед носом жертвы и знай себе строчат аппаратом, что-то неустанно кудахча и делая сотни снимков на авось, из которых потом выбирают наименее гадкие, вот как поступают все без исключения так называемые великие фотографии, и Джек, будучи знаком кое с кем из них, ничего кроме презрения к ним не испытывал, полагая, что они ничуть не креативнее фотоавтомата.

В кухне, за его спиной, вдруг отрывисто защелкал водонагреватель. Джек замер в ужасе. На дворе было уже 15 декабря.

* * *

Год назад, приблизительно в это же время, злополучный нагреватель точно так же защелкал, после чего окончательно заглох. Температура в мастерской довольно быстро упала до трех градусов. Джеку удалось немного поспать, вернее – подремать, но он постоянно просыпался. Около шести утра он использовал последние литры горячей воды в бойлере, чтобы кое-как умыться, и сварил себе кофе в ожидании мастера из фирмы “Сантех для всех”, – они обещали прислать кого-нибудь рано утром.

На своем интернет-сайте “Сантех для всех” заверял, что “с гордо поднятой головой шагнул в третье тысячелетие”; для начала они могли бы приходиться вовремя, буркнул Джек часов в одиннадцать, слоняясь взад-вперед по комнате в тщетных попытках согреться. Он как раз заканчивал портрет отца под рабочим названием “Архитектор Жан-Пьер Мартен оставляет пост главы компании”; при такой температуре, само собой, верхний слой краски будет сохнуть слишком долго. Джек собирался, как всегда, поужинать с отцом в рождественский вечер и рассчитывал за две оставшиеся недели закончить картину; но если сантехник не явится, то у него ничего не выйдет. Честно говоря, в метафизическом смысле это не имело никакого значения, он совершенно не собирался дарить картину отцу, достаточно будет просто *показать* ее; почему вдруг, ни с того ни с сего, это стало ему так важно? Он явно был уже на пределе, видно, переоценил себя, взявшись разом за шесть картин, и вот уже несколько месяцев пахал как проклятый, куда это годится.

Часам к трем он решил снова набрать “Сантех для всех”; там было глухо занято. Ему удалось дозвониться до них только в шестом часу; сотрудница отдела обслуживания отнекивалась, сваливая все на рост числа срочных вызовов с наступлением сильных морозов, но поклялась во что бы то ни стало направить ему мастера завтра утром. Джек повесил трубку и забронировал номер в отеле “Меркьюр” на бульваре Огюста Бланки.

Следующий день он полностью посвятил ожиданию слесаря из “Сантеха для всех”, а также его коллеги из фирмы “Сантех без помех”, с которой он договорился в промежутке. В “Сантехе без помех” ему посулили соблюдение исконных традиций “высокой сантехники”, но прийти вовремя тоже не сподобились.

На картине Джеда его отец, с мученической улыбкой подняв бокал, стоит на возвышении перед полусотней сотрудников своей архитектурной фирмы. Прощальный банкет проходит в просторном, тридцать на двадцать, *open space* с белыми стенами. Свет проникает сквозь стеклянный потолок. Графические станции соседствуют тут с объемными макетами текущих проектов. Среди присутствующих преобладают юноши с хакерской внешностью, асы моделирования в 3D. У самого подиума выстроились полукругом три архитектора лет сорока. Строго следуя композиции, списанной с малоизвестной картины Лоренцо Лотто, они избегают смотреть друг на друга, пытаясь, напротив, поймать взгляд отца; зрителю сразу становится очевидно, что каждый из них надеется сменить его на должности главы компании. Отец же глядит куда-то поверх их голов, в его глазах читается желание в последний раз собрать вокруг себя свою команду и разумная вера в будущее, но, главное – безысходная боль. Ему больно покидать любимое детище, которому он отдал лучшие годы, больно сознавать неизбежное; перед нами явно конченный человек.

Во второй половине дня Джек раз десять пытался прозвониться в “Водопрофи”, но не тут-то было. В режиме ожидания ему запускали радиостанцию *Skyrock*, тогда как в “Сантехе без помех” отдавали предпочтение “Юмору и шансону”.

Часам к пяти вечера он добрался до отеля. На бульваре Огюста Бланки стужались сумерки; бомжи разожгли костер на боковой аллее.

Последующие дни прошли приблизительно в том же духе: Джек исправно набирал номера предприятий по ремонту сантехники, его тут же переключали на режим ожидания и он послушно ожидал, коченея возле картины, которая ни за что не желала сохнуть.

Спасение нарисовалось утром 24 декабря в образе хорватского водопроводчика, живущего по соседству, на улице Стефена Пишона, – Джек совершенно случайно заметил его табличку, возвращаясь из “Меркюра”. Да не вопрос, он может прийти, хоть сейчас. Невысокий темноволосый парень с тонкими правильными чертами бледного лица и усиками в стиле *бель эпок* был чем-то похож на Джеда; не считая усиков, само собой.

Войдя в квартиру, он тут же принялся осматривать колонку. Не торопясь, снял переднюю крышку с регуляторов, пробежался ловкими пальцами по сложному сплетению трубок. Порассуждал о клапанах и сифонах. Он вообще производил впечатление человека, глубоко знающего жизнь.

Потратив минут пятнадцать на тщательный осмотр агрегата, он вынес следующий вердикт: починить-то можно, худо-бедно он его *подправит*, делов-то на пятьдесят евро, о чем говорить. Конечно, это будет чистая халтура, а не ремонт, но пару месяцев продержится, а то и лет, как повезет, но за большее он не ручается; да и неуместно было бы делать ставку на долголетие данного отопительного прибора.

Джек вздохнул, признавшись, что чего-то в этом роде и боялся. Он хорошо помнил тот день, когда, девять лет назад, решился на покупку этой квартиры; самодовольный коротышка риелтор, расхваливая на все лады феноменальное освещение, не скрывал при этом необходимость кое-какой “косметики”. Джек подумал тогда, что лучше бы он сам стал агентом по недвижимости или гинекологом.

И без того радушный коротышка пришел буквально в экстаз, узнав, что Джек художник. Впервые, воскликнул он, ему посчастливилось продать *мастерскую художника* настоящему художнику! Джек испугался, что тот заявит сейчас о своей солидарности с настоящими художниками, обрушившись на буржуазно-богемных козлов и прочих обывателей того же пошиба, которые взвинчивают цены, перекрывая таким образом настоящим художникам доступ в мастерские художников, а что поделаться, против рынка не попрешь, сами понимаете, впрочем, меня это не касается... но, слава богу, обошлось, коротышка риелтор

просто скинул ему десять процентов, на что он, очевидно, и так был готов пойти, слегка поторговавшись для виду.

“Мастерская художника”, не будем обольщаться, являла собой чердак со стеклянным потолком, отличным, надо отдать ему справедливость, потолком, и невразумительными удобствами, которых едва хватало даже Джеду, чьи потребности в личной гигиене были весьма ограниченными. Но вид из окна был выше всяких похвал: за площадью Альп тянулся бульвар Венсена Ориоля с наземной линией метро, проступавшей на фоне высоких четырехгранных крепостей, возведенных в середине семидесятых: они выглядели пощечиной изысканному парижскому пейзажу, но именно их Джек ставил превыше всего в Париже, с архитектурной точки зрения.

Хорват закончил работу и положил в карман причитающиеся ему пятьдесят евро. Он не предложил Джеду выписать счет, да тот на это и не рассчитывал. Не успел он выйти, как снова забарабанил в дверь. Джек высунулся узнать, в чем дело.

– Кстати, месье, – сказал хорват. – Поздравляю вас с Рождеством. Я только хотел поздравить вас с Рождеством.

– Ну да, – смущенно отозвался Джек. – Вас также.

И тут до него дошло, что с такси возникнут проблемы. Как и следовало ожидать, компания “С ветерком” наотрез отказалась везти его в Ренси, а “На всех парах” согласились, так и быть, добросить его до вокзала, ну, в крайнем случае, до мэрии, ну уж точно не до самого “Городка Кузнечиков”. “Меры предосторожности, месье...” – прошелестел его собеседник с легким упреком. “Мы обслуживаем только абсолютно безопасные участки”, – сообщили ему в свою очередь в “Автомобилях Фернана Гарсена” с хорошо отрепетированным сожалением. Мало-помалу в Джеде просыпалось чувство вины – ну что, правда, ему взбрело в голову провести рождественский вечер на таком непотребном участке, как “Городок Кузнечиков”, – и он по привычке мысленно попрекнул отца за упрямое нежелание съезжать из своего добротного особняка с огромным парком, который, по воле движения народных масс, незаметно очутился в самом центре проблемного пригорода, попавшего с некоторых пор под неусыпный контроль местной братвы.

Джеду пришлось укрепить каменную ограду, надстроить ее сеткой под током и установить систему видеонаблюдения с прямой передачей сигнала в полицейский участок, и все это ради того, чтобы отец мог безбоязненно гулять в гордом одиночестве по двенадцати комнатам, хотя прогреть их не представлялось возможным, и за исключением Джеда, не пропускавшего рождественский ужин, там никто никогда не появлялся. Ближайшие магазинчики уже давно приказали долго жить, ходить пешком по соседним улицам не рекомендовалось, да, собственно, и на машины тут, бывало, нападали, когда те притормаживали на красный свет. Мэрия Ренси прислала отцу домработницу – вздорную злобную сенегалку по имени Фатти, которая взелась на него с первого же дня, отказывалась менять постельное белье чаще, чем раз в месяц, да и подворовывала, как пить дать, делая покупки.

Тем временем в мастерской немного потеплело. Джек сфотографировал недосохшую картину, хоть что-то можно будет предъявить. Он скинул брюки и свитер, сел по-турецки на лежащий прямо на полу узкий матрас, заменявший ему кровать, и закутался в одеяло. Постепенно замедляя дыхание, он воображал себе неторопливый, ленивый плеск волн в тусклых сумерках, пытаясь по мере сил обрести спокойствие духа и подготовиться к очередному Рождеству в обществе отца.

Это медитативное упражнение принесло свои плоды, и вечер прошел если не спокойно, то нейтрально, чуть ли не дружелюбно; на большее он уже давно и не надеялся.

На следующее утро, часов в семь, полагая, что здешние отморозки тоже *отмечали* Рождество, Джед отправился пешком на станцию и благополучно доехал до Восточного вокзала.

* * *

Отремонтированный нагреватель продержался целый год и сейчас впервые скуксился. Картина “Архитектор Жан-Пьер Мартен оставляет пост главы компании” давно была закончена и дожидалась в запасниках галериста персональной выставки Джеда, которую им никак не удавалось организовать. Жан-Пьер Мартен сам решил – к величайшему изумлению сына, который давно уже отказался от мысли уговорить его, – переехать под Париж, в Булонь, в дом престарелых с медицинским обслуживанием. В этом году их традиционный рождественский ужин должен был состояться в ресторане “У папы” на авеню Боске. Джед польстился на рекламное объявление в “Парископе”¹, обещавшее традиционную кухню *по старинке*, и, надо сказать, они в общем и целом сдержали слово. Полупустой зал был уставлен Дедами Морозами и елочками в гирляндах. Группки пожилых людей, а то и совсем стариков, основных посетителей этого заведения, усердно, добросовестно и с каким-то даже остервенением пережевывали блюда традиционной кухни. В меню значились кабан, молочный поросенок и индюшка; на десерт, само собой, полагалось сладкое “полено” *по старинке*, а вежливые и незаметные официанты действовали бесшумно, словно в реанимации ожогового отделения. Джед не мог не признать, что свалил дурака, пригласив отца в такой ресторан. Этот сухой, обстоятельный человек с вытянутым аскетическим лицом, судя по всему, никогда не умел наслаждаться трапезой, и даже в те редкие дни, когда они обедали вместе в городе, если, например, Джед хотел повидаться с ним недалеко от офиса, отец всегда вел его в один и тот же суши-бар. Что за бредовое, а главное – бессмысленное стремление к слиянию в гастрономическом экстазе, все, поезд ушел, и еще неизвестно, случались ли когда-нибудь в жизни отца такие посиделки, учитывая, что его супруга ненавидела готовить. Но Рождество есть Рождество, и потом, какие варианты? Отец стал равнодушен к одежде, почти ничего не читал и вообще, казалось, уже мало чем интересовался. Он, если верить директрисе дома престарелых, “принимал посильное участие в жизни коллектива”, иными словами, перевел Джед, более или менее ни с кем не общался. В данный момент отец старательно жевал молочного поросенка с таким выражением, будто это был кусок резины, не проявляя ни малейшего желания нарушить затянувшееся молчание, так что Джед, словно в бреду (зря он взял гевюрцтраминер к устрицам, он сообразил это в ту минуту, когда заказал бутылку, от белого вина у него вечно путались мысли), пытался лихорадочно изобрести нечто, что могло бы, пусть отдаленно, сойти за тему для разговора. Был бы он женат, была бы у него хотя бы спутница жизни, ну просто *какая-никакая подружка*, все бы прошло великолепно, женщины лучше мужчин управляют с семейными междусобойчиками, в каком-то смысле это их конек, ведь даже если в реальности детей нет, они все равно потенциально имеют место быть, брезжат, так сказать, на горизонте, а старики интересуются внуками, это общеизвестно и как-то связано с природными циклами или с чем-то там еще, одним словом, в их старческой голове проклевывается некое чувство, в сыне отец умирает, понятное дело, а вот дед во внуке возрождается или берет благодаря ему реванш, короче, всего этого с лихвой хватило бы уж по крайней мере на рождественский ужин. Джед порой подумывал о том, чтобы нанять на вечер девушку из эскорт-услуг и разыграть одноактный спектакль, кратко проинструктировав ее за пару часов до встречи, отец ведь никогда особо не интересовался подробностями чужой жизни, как, впрочем, и большинство мужчин.

---

¹ “Парископ” – еженедельный журнал, гид культурной жизни и развлечений в Париже. (Здесь и далее – прим. перев.)

В романоязычных странах для диалога мужских особей среднего и пожилого возраста вполне хватает политики; иногда, в низших слоях общества, ее заменяет спорт. А вот в разговорах приверженцев англосаксонских ценностей роль политики играют скорее экономика и финансы; время от времени на выручку приходит литература. Проблема в том, что ни Джед, ни его отец не увлекались экономикой, да и политикой не очень. Жан-Пьер Мартен одобрял, в общих чертах, способ управления страной, а у его сына даже не было своего мнения на этот счет; с горем пополам они все же дотянули, перебив косточки всем министерствам по очереди, до тележки с сырами.

При виде сыров отец слегка оживился и спросил Джеда о его творческих планах. На этот раз, увы, Джед не смог разрядить атмосферу, последняя его картина, “Дэмиен Херст и Джефф Кунс делят арт-рынок” никак не желала получаться, он топтался на месте, а неведомая сила, на волне которой он продержался последние года два, сходилась на нет, рассыпалась в прах, только зачем грузить отца, он-то чем может помочь, да и вообще никто ничем не может ему помочь, выслушав такого рода признание, собеседник лишь вежливо посочувствует, нет, что ни говори, человеческие отношения гроша ломаного не стоят.

– Готовлю к весне персональную выставку, – сообщил он наконец. – Но пока что мы никак не сдвинемся с мертвой точки. Франц, мой галерист, хотел бы заказать текст для каталога писателю. Он подумывает о Мишеле Уэльбеке.

– О Мишеле Уэльбеке?

– Ты слышал о нем? – удивленно спросил Джед. Ему бы и в голову не пришло, что отец может интересоваться какой-либо культурной продукцией.

– У нас в Булони есть небольшая библиотека, я взял там парочку его романов. Он хорошо пишет, мне кажется. Его приятно читать, у него довольно трезвый взгляд на общество. Он тебе ответил?

– Пока нет. – Джед мгновенно вышел из ступора. Если настолько закоснелый, так безнадежно увязший в тоскливой рутине человек, как его отец, ступивший уже одной ногой на темный путь по Долине смертной тени, – если даже он заметил существование Уэльбека, то в этом авторе наверняка что-то есть. И он поймал себя на мысли, что напрасно не надавил на него по мейлу, а ведь Франц уже не раз напоминал ему об этом. Время поджимало. Учитывая даты *Art Basel* и *Frieze Art Fair*, выставку надо было провести в апреле, самое позднее в мае, но Уэльбека же не попросишь написать текст за две недели, он все же известный писатель, мировая знаменитость, по крайней мере, так считает Франц.

Возбуждение отца улеглось, он дегустировал сен-нектер² с той же вялостью, что и молочного поросенка. Видимо, только из сострадания мы склонны приписывать старикам какое-то обостренное гурманство, пытаюсь убедить себя, что хотя бы это им еще осталось, на самом же деле радости чревоугодия неумолимо угасают вместе со всем прочим. В сухом остатке – расстройство пищеварения и рак простаты.

Слева от них три восьмидесятилетние старушки, скорбно склонившись над фруктовым салатом, похоже, отдавали дань памяти покойным супругам. Одна из них потянулась было к бокалу шампанского, но ее рука тут же упала на стол; она тяжело дышала от усилия. Через несколько мгновений старушка повторила свою попытку, но рука дрожала чудовищно, а лицо исказилось от напряжения. Джед еле сдерживался, чтобы не броситься ей на помощь, но не мог он ей помочь, не его это было дело. Даже официант, с тревогой наблюдавший за ее манипуляциями, стоя в двух шагах от их столика, не мог ничем ей помочь; теперь она общалась с Господом напрямую. Ей было скорее за девяносто, чем за восемьдесят.

И тут, дабы сбылось реченное, подали десерт. Отец Джеда безропотно приступил к традиционному сладкому полену. Осталось потерпеть совсем немного. Когда они встреча-

² Сен-нектер – сорт сыра.

лись, время текло как-то странно: хотя они не произнесли ни слова и гробовое молчание, повисшее за столом, могло лишь усилить ощущение тяжести, секунды и даже минуты проносились с поразительной скоростью. Через полчаса, – ни одна мысль так и не посетила его, – Джед проводил отца на стоянку такси. Было всего десять вечера, но он знал, что обитатели дома престарелых и так считают отца счастливым – ведь ему есть с кем провести пару часиков на Рождество. “Повезло вам с сыном...” – уже не раз замечали ему. Переехав в богоугодное заведение с медицинским обслуживанием, бывший пожилой человек получает наконец окончательный статус *старика*, оказываясь в положении ребенка, отправленного в пансион. Иногда его там навещают – и тут счастья нет предела, он исследует окружающий мир, обжирается печеньем “Пепито” и наведывается к клоуну Рональду Макдональду. Но чаще всего никто не приезжает, и бедняга уныло слоняется в опустевшем пансионе между стойками гандбольных ворот на залитой битумом площадке. И жаждет обрести свободу, воспарить.

Вернувшись, Джед обнаружил, что нагреватель отлично работает, в мастерской было тепло, даже жарко. Он скинул одежду и, растянувшись на матрасе, мгновенно уснул с восхитительно пустой головой.

* * *

Он внезапно проснулся посреди ночи, будильник показывал 4.43. В комнате было жарко, почти душно. Его разбудил шум нагревателя, но не привычные сухие щелчки, а долгое, низкое, почти инфразвуковое гудение. Он резким движением распахнул заиндевевшее окно на кухне. В комнату ворвался ледяной воздух. Шестью этажами ниже рождественскую ночь нарушали пороссячи похрюкивания. Он тут же захлопнул окно. Скорее всего, во двор забрались бомжи; утром они устроят пир горой из остатков праздничного ужина, собранных по всем помойкам. Никто из жильцов не решится вызвать полицию, чтобы избавиться от них, Рождество все же, как ни крути. Обычно эта почетная миссия выпадала в итоге на долю дамы лет шестидесяти со второго этажа. Дама красила волосы хной, носила свитера из ярких лоскутов, и Джед подозревал, что она психоаналитик на пенсии. Но что-то он ее не видел в последние дни, возможно, она уехала отдыхать либо скоропостижно скончалась. Теперь бомжи проторчат тут несколько дней, запах от их испражнений заполнит двор, и окно уже не откроешь. С обитателями дома они держались вежливо, даже подобострастно, но друг с другом дрались не на жизнь, а на смерть, тем, как правило, все и кончалось, и тогда ночную тишину разрывал жуткий вой, кто-нибудь вызывал “скорую”, которая обнаруживала несчастного с оторванным ухом в луже крови.

Джед подошел к неожиданно смолкнувшему нагревателю и осторожно приподнял крышку панели управления. Аппарат мгновенно всхрипнул, будто почувствовал угрозу вторжения. Быстро замигал желтый индикатор неизвестного назначения. Потихоньку, миллиметр за миллиметром, Джед передвигал регулятор нагрева влево. Если что, у него сохранился телефон того хорвата; но кто знает, работает ли он еще. Ведь, по его собственному признанию, он не собирался всю жизнь “париться в сантехнике”, а мечтал, “срубив бабла”, вернуться к себе в Хорватию, на остров Хвар, и открыть там пункт проката водных скутеров. Заметим в скобках, что отец Джеда как раз перед выходом на пенсию участвовал в открытом конкурсе проектов по застройке элитной курортной зоны в Стари-Граде на Хваре. Остров стал теперь престижным направлением, в прошлом году там засветились даже Шон Пенн и Анджелина Джоли, и Джед испытал какую-то смутную горечь, чисто по-человечески пожалев, что этот мастер вынужден будет променять благородное ремесло сантехника на прокат дурацких трескучих агрегатов разным козлам с улицы Фезандери, у которых денег как грязи.

“Хвар. Что посмотреть?” – вопрошал интернет-сайт острова и сам же отвечал на поставленный вопрос: “Прогуляйтесь по благоухающим лавандовым полям, чей аромат разносится над островом, полюбуйте гармонией неповторимых пейзажей с вековыми оливами и виноградниками. Отведайте местную кухню в уютной канобе (таверне), зачем вам роскошные рестораны, вкушите простого местного вина вместо шампанского, спойте народную песню островитян, и отдых на о. Хвар оставит незабываемые положительные эмоции в Вашей памяти!”

Вот на что, значит, повелся Шон Пенн, и Джед представил себе мертвый сезон, еще теплый октябрь, и бывшего сантехника, мирно восседающего за столом перед тарелкой ризотто с морскими гадами, – нет, его выбор можно понять и даже простить.

Джед нехотя подошел к “Дэмиену Херсту и Джеффу Кунсу”, стоявшим на мольберте посреди мастерской, и его снова охватило недовольство собой, еще более горькое. Он вдруг почувствовал, что голоден, – странное дело, ведь они с отцом поужинали по полной программе, с закусками, сыром и десертом, но ему хотелось есть, к тому же он задыхался, так тут стало душно. Джед вернулся на кухню, открыл банку каннеллони в соусе и проглотил их один за другим, мрачно поглядывая на злополучную картину. Кунсу не хватало легкости, воздушности, крылышки ему пририсовать, что ли, как у бога Меркурия, – пришла ему в голову дурацкая мысль; пока что Кунс, в полосатом костюме, с улыбкой торгового работника на устах, сильно смахивал на Сильвио Берлускони.

Согласно исследованию веб-портала *ArtPrice*, Кунс занимал второе место в рейтинге самых состоятельных художников мира; не так давно Херст, младше его на десять лет, отобрал у него пальму первенства. Что касается Джеда, то он в прошлом десятилетии удостоился пятьсот восемьдесят третьего места, будучи при этом семнадцатым среди французов. Затем, как сказали бы комментаторы велогонки “Тур де Франс”, он “скатился на дно турнирной таблицы”, а потом и вовсе из нее исчез. Разделавшись с каннеллони, он обнаружил бутылку с остатками коньяка на донышке. Затем врубил на полную мощность галогенный светильник, направив его прямо в центр холста. Вблизи стало ясно, что он запорол даже ночной мрак: ему не хватало той роскоши и тайны, которые рисует нам воображение при мысли о ночах Аравийского полуострова; лазурь надо было использовать, а не ультрамарин. Какую все-таки говенную картину он написал. Джед схватил мастихин и, не без усилия провертев отверстие – плотное льняное полотно поддавалось с трудом, – проколол глаз Дэмиену Херсту. Сдернув липкий холст, он одним махом разодрал его, при этом мольберт покачнулся и рухнул на пол. Слегка уgomонившись, Джед остановился, внимательно посмотрел на клейкие от краски руки, допил коньяк и, вскочив обеими ногами на картину, принялся топтать ее, впечатывая в скользкий пол. Наконец он потерял равновесие и упал, пребольно стукнувшись затылком о мольберт, икнул, его вырвало, и ему сразу полегчало, свежий ночной ветерок приятно оведал лицо, и Джед блаженно закрыл глаза; похоже, он дошел до конца очередного цикла.

Часть первая

I

Джед уже сам не помнил, когда начал рисовать. Видимо, все дети худо-бедно рисуют, но поскольку с детьми он не общался, то не мог утверждать по этому поводу ничего определенного. Но зато он был уверен, что начал с цветов, рисуя их карандашами в тетрадках небольшого формата.

Обычно по средам во второй половине дня, иногда еще и по воскресеньям, он наслаждался одиночеством в залитом солнцем парке, пока его приходящая няня бегала звонить очередному бойфренду. Ванессе было восемнадцать лет, она училась на первом курсе экономического факультета в университете Вильтанез департамента Сена-Сен-Дени и долгое время оставалась единственным свидетелем его первых творческих опытов. Рисунки ей нравились, она искренне говорила Джеду, что они красивые, хотя то и дело озадаченно поглядывала на него. Потому что мальчишки должны рисовать кровожадных чудовищ, свастики и истребители (самые продвинутые – пиписьки и женские гениталии). Но уж никак не цветочки.

Джеду даже в голову не могло прийти, как, собственно, и Ванессе, что цветы – это просто-напросто половые органы, украшающие поверхность мира пестрые вагины, отданные на растерзание похотливым насекомым. Создается впечатление, что насекомые и люди – тоже своего рода животные – постоянно к чему-то стремятся, быстро и целеустремленно передвигаясь с места на место, тогда как цветы сверкают себе преспокойно на солнце, застыв во всем своем великолепии. Красота цветов печальна, увы, ведь эти нежные создания обречены на смерть, как, само собой, и все живое на земле, но цветы особенно, а их останки, как и трупы животных – всего лишь грубая пародия на их бытие, и воняют они точно так же, как трупы животных, – все это понимаешь, впервые сознательно пережив смену времен года, вот и Джед заметил гниение цветов в пятилетнем возрасте, если не раньше, потому что в парке, разбитом вокруг особняка в Ренси, было много цветов и много деревьев, и, сидя в коляске, которую катила какая-то взрослая тетенька (его мать?), первое, на что он обратил внимание, не считая неба и облаков, были ветви, качающиеся на ветру. Жажда жизни проявляется у животных быстрыми метаморфозами – увлажнением дырочки, затвердением стержня и, наконец, выделением семенной жидкости, но об этом Джед узнает несколько позже, на балконе в Пор-Гримо, при посильной помощи Марты Тайфер. Жажда жизни у цветов проявляется в образовании всполохов ослепительных расцветок, оживляющих однообразную зелень природного пейзажа, равно как и бесцветное однообразие городского пейзажа – по крайней мере там, где местная мэрия потрудилась их посадить.

По вечерам отец по имени “Жан-Пьер” – так обращались к нему друзья – возвращался домой. Джед называл его “папой”. Жан-Пьер, по мнению приятелей и подчиненных, был хорошим отцом; вдовцу требуется известная самоотверженность, чтобы в одиночку воспитывать ребенка. Первые годы Жан-Пьер был хорошим отцом, потом чуть хуже, все чаще вызывал няню и постоянно ужинал в городе (в основном с заказчиками, порой с подчиненными, но все реже и реже с друзьями, ибо время дружбы постепенно сходило на нет, и он уже слабо верил в то, что можно иметь друзей и что дружеские отношения способны сыграть хоть какую-то роль в биографии человека или повлиять на его судьбу), возвращался поздно и даже не пытался переспать с юной няней, что, надо сказать, норовит сделать подавляющее большинство отцов; он выслушивал отчет о том, как прошел день, улыбался сыну, платил нужную сумму. Отец стал главой усеченной семьи, но никакое пополнение в его планы не

входило. Он очень хорошо зарабатывал, будучи генеральным директором строительной компании, специализировавшейся на возведении приморских комплексов “под ключ”; у него были заказчики в Португалии, на Мальдивах, в Сан-Доминго.

От этого периода у Джеда остались тетрадки с полным набором рисунков того времени, но все эти сокровища тихо-мирно умирали (бумага была среднего качества, да и цветные карандаши не лучше), ну еще пару столетий они бы, конечно, протянули, однако всем предметам и существам назначен свой срок жизни.

Картина, написанная гуашью, которую следовало датировать скорее всего годами его ранней юности, называлась “Сенокос в Германии” (с чего бы, интересно, Джек ведь не бывал в Германии и никогда не присутствовал и уж *тем более* не участвовал в “сенкосе”). На горизонте пейзаж замыкают снежные вершины, при этом свет, безусловно, указывает на самый разгар лета; крестьяне, вздымающие сено на вилы, и запряженные в тележки ослы выполнены в насыщенных ярких тонах, полученных методом лессировок; красиво вышло, что твой Сезанн, да и вообще что твой кто угодно. Вопрос красоты вторичен в живописи, великие мастера прошлого признавались таковыми, если предлагали свое собственное видение мира, последовательное и новаторское одновременно; а это означает, что они всегда писали в одной и той же манере и, преобразуя объекты окружающего мира в объекты живописи, строго придерживались собственного метода и приемов, кроме того, эта их манера никому ранее присуща не была. Художников ценили еще выше, если их видение мира казалось исчерпывающим, и создавалось впечатление, что оно приложимо ко всем без исключения предметам и ситуациям, реально существующим и воображаемым. Таково было классическое понимание живописи (Джеду посчастливилось приобщиться к нему еще в средней школе), основанное на концепции *фигуративного искусства* – на той самой фигуративности, к которой он весьма странным образом вернется на несколько лет. И что совсем странно, именно она принесет ему в итоге славу и богатство.

Джек посвятил свою жизнь (во всяком случае, профессиональную, очень быстро слившуюся воедино с *его жизнью вообще*) *искусству*, созданию изображений мира, не предназначенного, однако, для проживания. Поэтому он мог создавать критические изображения – критические до известной степени, поскольку в юные годы Джеда искусство, как и общество в целом, стремилось в своем развитии к приятию мира, порой восторженному, но чаще с оттенком иронии. У его отца такой свободы выбора не было вовсе, он-то как раз обязался выдавать на-гора пригодные для жилья конструкции – какая уж тут ирония, – в которых собирались поселиться люди, и даже получать удовольствие, хотя бы во время отпуска. Если бы этот жилищный механизм дал сбой, например упал бы лифт или засорился туалет, вину возложили бы на отца. Зато он не отвечал за внезапное вторжение в резиденцию неотесанных и агрессивных народных масс, неподконтрольных полиции и законным властям; землетрясение также считалось обстоятельством, смягчающим его ответственность.

Отец отца Джеда был фотографом, а его корни, в свою очередь, терялись в некой малопривлекательной стоячей социологической луже, с незапамятных времен наводненной сельскохозяйственными рабочими и бедными крестьянами. Что же могло подвигнуть человека из нищих слоев на интерес к технологиям зарождающегося фотоискусства? Джек понятия не имел, его отец тоже; как бы то ни было, дед, первый в долгой череде поколений, вышел за рамки примитивного, без затей, воспроизведения одного и того же социального статуса. Он зарабатывал на кусок хлеба, фотографируя по большей части на свадьбах, первых причастиях и выпускных вечерах в деревенской школе. В Крезе, этом позабытом-позаброшенном департаменте Франции, ему редко приходилось снимать торжественное открытие новых зданий или визиты политиков государственного масштаба. Фотография считалась не ахти

каким ремеслом, доходов приносила мало, и то, что сын стал профессиональным архитектором, не говоря уже о его более поздних предпринимательских успехах, было важным шагом вверх по социальной лестнице.

К тому времени, когда Джек поступил в парижскую Школу изящных искусств, он уже бросил рисунок ради фотографии. За два года до этого он обнаружил на дедушкином чердаке фотографическую камеру с раздвижным мехом *Linhof Master Technika Classic*, в прекрасном рабочем состоянии, хотя дед уже не пользовался ею, когда выходил на пенсию. Джеда буквально околдовал этот допотопный раритет, тяжелый и странный, но высочайшего качества. Мало-помалу он нащупал принципы смещения фокусного центра, изучил вращающуюся кассетоприемную рамку и принцип Шаймпфлюга, а затем посвятил себя занятию, к которому почти целиком свелись все его художественные изыскания в студенческие годы, а именно систематической съемке всякого ширпотреба. Он работал у себя в комнате, предпочитая естественное освещение. Скоросшиватели, огнестрельное оружие, еженедельники, картриджи для принтера, вилки – ничто не ускользнуло от его поистине энциклопедического взгляда в стремлении составить исчерпывающий каталог предметов, произведенных человеком в индустриальную эпоху.

В награду за грандиозный и маниакальный размах его, надо признать, слегка безумного проекта Джек получил заслуженное уважение преподавателей, но это никак не сблизило его с какой-либо из студенческих групп, сбившихся на почве общих эстетических воззрений, а говоря более прозаически – объединенных желанием выйти скопом на арт-рынок. Кое с кем Джек все же дружил, пусть и не захлеб, не подозревая, сколь мимолетными окажутся эти отношения. Он даже завел пару-тройку романов, но ни один из них долго не продержался. На следующий же день после получения диплома он внезапно осознал, что теперь ему будет одиноко. За последние шесть лет он сделал более одиннадцати тысяч фотографий. Файлы хранились в TIFFах с копиями в JPEG с более низким разрешением и легко умещались на 640-гигабайтном жестком диске *Western Digital*, весом чуть больше 220 граммов. Он аккуратно убрал на место фотокамеру и объективы (профессиональный *Rodenstock Apo-Sironar* с фокусным расстоянием 105 мм и диафрагмой 5.6 и *Fujinon* с фокусным расстоянием 180 мм и такой же диафрагмой), потом внимательно изучил оставшиеся вещи. Портативный компьютер, iPod, кое-какая одежда, немного книг – если честно, не бог весть что, все это просто влезло в два чемодана. В Париже было солнечно. Нельзя сказать, что ему плохо жилось в этой комнате, но не так уж и хорошо. Квартплаты хватило бы еще на неделю. Он замешкался на мгновение, потом вышел, в последний раз прогулялся вдоль порта Арсенала и позвонил отцу, чтобы тот помог ему перебраться.

Джек давно не жил в Ренси, практически с самого детства, если не считать кратких приездов на школьные каникулы, но их совместное существование с отцом сразу оказалось легким, хоть и бессодержательным. Отец тогда еще вовсе работал, у него и в мыслях не было отпускать поводья и уходить из компании. Он редко возвращался домой раньше девяти, а то и десяти вчера и, развалившись перед телевизором, ждал, пока сын разогреет ему очередное “готовое блюдо” из “Каррефура” в Ольне-су-Буа, где несколько недель назад Джек привычно загрузил продуктами багажник своего “мерседеса”; стараясь питаться разнообразно и, скажем так, сбалансированно, Джек покупал еще сыр и фрукты. Правда, отец едой мало интересовался; он безучастно перескакивал с одного канала на другой, застревая на какой-нибудь утомительной экономической дискуссии на *LCI*. Он ложился спать сразу после ужина, а утром уходил до того, как Джек вставал. Дни стояли погожие, однообразно теплые. Джек гулял по парку, усаживался под высокой липой с философским трактатом в руке, но чаще всего даже не открывал его. Детские воспоминания постепенно возвращались к нему,

но их было немного; потом он шел домой смотреть репортажи с “Тур де Франс”. Ему нравились скучные общие планы, снятые с вертолета, который послушно следовал за велосипедистами, лениво крутившими педали на бескрайних просторах Франции.

Анна, мать Джеда, была родом из мелкобуржуазной еврейской семьи, ее отец держал ювелирную лавку в их квартале. В возрасте двадцати пяти лет она вышла за Жан-Пьера Мартена, молодого архитектора. Это был брак по любви, и спустя несколько лет она произвела на свет сына, назвав его в честь любимого дяди. А потом, незадолго до семилетия Джеда, покончила с собой, но он узнал об этом много лет спустя – проболталась бабка со стороны отца. Анне было сорок лет, ее мужу – сорок семь.

Джед почти не помнил мать и не считал себя вправе обсуждать ее самоубийство во время нынешнего пребывания в Ренси, предпочитая дожидаться, когда отец сам заговорит об этом, хотя прекрасно понимал, что надежды мало, он наверняка до самого конца постарается избегать скользкой темы, как, впрочем, и все остальные.

Тем не менее кое-что следовало прояснить, и отец сам решил это сделать как-то раз после воскресного обеда, когда они вместе смотрели короткий этап гонки на время в Бордо, после которого, правда, таблица генеральной классификации не претерпела особых изменений. Они сидели в библиотеке, безусловно самой красивой комнате особняка, с дубовым паркетом и английскими кожаными диванами и креслами. Дневной свет проникал сквозь витражи, оставляя в полумраке почти шесть тысяч томов, выстроившихся на полках вдоль стен, – по большей части это были научные трактаты, изданные в девятнадцатом веке. Сорок лет назад Жан-Пьер Мартен купил этот дом у владельца по сходной цене, поскольку тому срочно понадобились деньги. Тогда эта часть Ренси, застроенная элегантными особняками, считалась спокойной, и он надеялся, что заживет тут счастливой семейной жизнью, во всяком случае, места в доме хватило бы на многодетную семью и частые приемы друзей, – но его мечтам не суждено было сбыться.

В ту минуту, когда на экране снова возникло улыбающееся и такое предсказуемое лицо Мишеля Дрюкера³, отец выключил звук и повернулся к Джеду:

– Ты и дальше собираешься заниматься творчеством? – спросил он; Джед ответил утвердительно. – Но пока что тебе не удастся самому заработать на жизнь?

На сей раз ответ Джеда был более пространным. Как это ни удивительно, в течение прошлого года с ним связались два фотоагентства. Среди клиентов первого, специализирующегося на съемке предметов, числились каталоги мебельного интернет-магазина SAMIF и фирмы *La Redoute*. Иногда они продавали негативы рекламным компаниям. Второе занималось астрономической фотографией; к его услугам часто прибегали такие журналы, как *Notre Temps* и *Femme Actuelle*. Все это было не слишком престижно, да и платили они из рук вон плохо: снимки горного велосипеда или тартифлет⁴ с сыром реблошон приносили меньше дохода, чем фотки Кейт Мосс или даже Джорджа Клуни; зато постоянный, неослабевающий спрос обеспечивал Джеду приличные заработки, поэтому он не сидел совсем уж без денег, было бы желание. Кроме того, он полагал, что занятие “чистой” фотографией полезно для практики. Он посылал в агентство широкоформатные диапозитивы идеального студийного качества, которые там сканировали и обрабатывали по своему усмотрению. Предпочитая не браться за ретушь – тут наверняка существовали правила коммерческого и рекламного порядка, – он сдавал им технически безупречные, но отмеченные авторской манерой негативы.

---

³ Мишель Дрюкер – популярный телеведущий.

⁴ Тартифлет – савойское блюдо из картофеля с беконом, сыром и сливками.